

Елена Николаевна Грицак
Барселона и Монсеррат
Серия «Памятники всемирного наследия»

Текст предоставлен издательством «Вече»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167436
Е.Н.Грицак Барселона и Монсеррат: Вече; Москва; 2006
ISBN 5-9533-1414-0

Аннотация

История Барселоны началась в те времена, когда легендарный карфагенянин Гамилькар Барка, отец Ганнибала, основал у подножия холма Манжуик поселение. Местные жители назвали свою деревню в его честь – Барсино. По своей красоте и уникальности Барселона может быть названа культурной столицей Испании. Ведь она подарила миру Антонио Гауди, Хуана Миро, Хосе Каррераса, Монсеррат Кабалье и Пабло Пикассо.

Монсеррат – старейший бенедиктинский монастырь Испании, расположен на одноименной горе. Своеобразная красота Монсеррата была источником вдохновения многих испанских художников, музыкантов, поэтов. В разное время она привлекала путешественников, паломников и скалолазов.

Содержание

Введение	4
Барселона	6
Лайя, Барцино, Барсиона	7
Барселонская романика	16
Готический квартал	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Николаевна Грицак

Барселона и Монсеррат

Введение

Хороша была бы земля Каталония, если бы не лежала так близко к Кастилии.

Испанская пословица

Иностраный турист, отдыхающий на роскошном пляже Коста де Маресме или Коста-Брава, нисколько не сомневается в том, что пребывает в Испании. Однако, решив поделиться этой догадкой с кем-либо из местных жителей, он рискует услышать в ответ: «Простите, но вы в Каталонии...». Еще более резкую реакцию вызовет упоминание о здешних местах как о провинции. Не обидеть каталонца можно лишь похвалой его родине или, еще лучше, лестным сравнением ее с остальными частями страны: «Природа, люди и досуг в Каталонии лучше, чем в Испании». Каталонцы убеждены, что живут в самостоятельном государстве со столицей в Барселоне, имеют собственное правительство, свои флаг, валюту и уникальный каталонский язык, в котором чувствуется сильное влияние французской речи.

На дорогах вблизи административной границы Каталонии до сих пор можно обнаружить испаноязычные дорожные таблички, грубо выправленные красной эмалью на каталонский лад. В этом, весьма далеком от национализма, явлении материализована историческая память народа, уверенного в своей исключительности. Обозначенный на каждой местной карте ареал распространения каталонского языка повторяет границы империи, которая некогда именовалась Арагоном и существовала не только в воображении местных историков.

Часто меняя политический статус, Каталония всегда оставалась обособленной страной с древней культурой, со своим языком и установившейся за века традицией освободительной борьбы. В пору гражданской войны 1936 года ее народ поддерживал республиканцев, а после победы сторонников Франко подвергся острому преследованию за помощь врагу. Словно в ответ на гонения каталонская интеллигенция, ощутив обострение национальной гордости, сплотилась под знаменем патриотизма. Созданные тогда памятники, как уже случалось раньше, резко выделялись на фоне того, что появлялось в испанской культуре, поскольку были связаны с местными традициями, где исконно царил вольнодумство.

Панорама Барселоны

О независимости каталонцев позаботилась сама природа. Приграничная область на северо-востоке Испании отделена от соседних провинций низкими Каталонскими горами, а от Франции – высокими острыми хребтами Пиренеев. Внутренняя гряда, оберегая каталонский суверенитет, защищает побережье от сильных ветров и формирует особый микроклимат: не сухой и прохладный, как в центральных районах Испании, а умеренный, влажный, с обилием солнечных дней и практически непрерывным купальным сезоном. Ландшафт позволяет заниматься горнолыжным спортом, альпинизмом, открывая большие возможности для любителей охоты и пеших прогулок.

Каталония пересекается быстрыми полноводными реками, но истинное благополучие краю дарует море; теплое, щедрое, спокойное, оно предоставляет неистощимый источник богатства, который, в отличие от земли, здесь используется в полной мере. Около 600 км береговой линии вблизи Барселоны занимают знаменитые на весь мир курорты. Изумительная по красоте природа этих мест особенно привлекает дикими уголками, где в самых недоступных местах скрываются памятники далекого прошлого.

Барселона

Всего несколько песет, сеньоры, всего десяток песет, прогулка по гавани, великолепный вид, каравеллы, крепость, можно делать снимки...

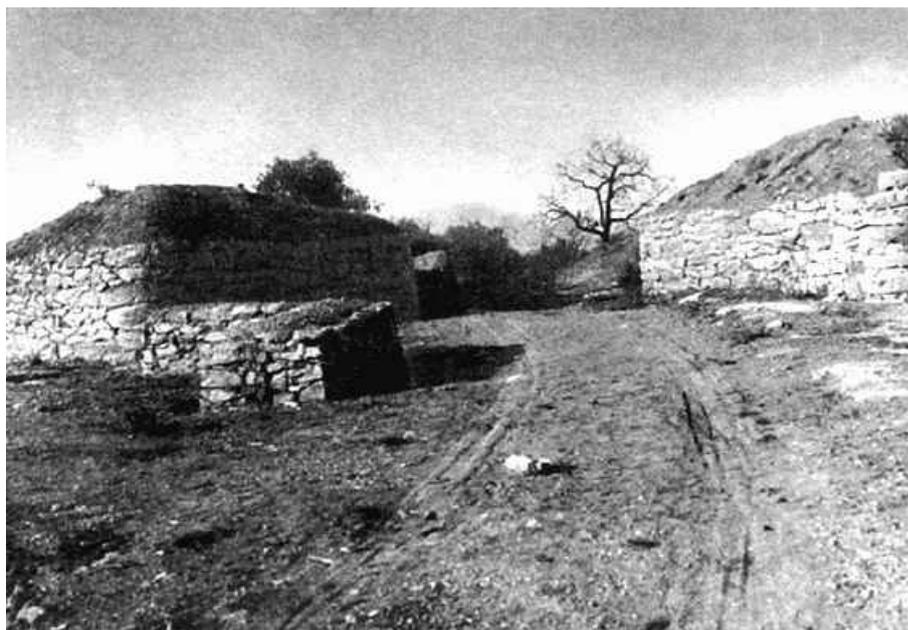
Обращение барселонского лодочника к туристам

С давних пор поэты воспевают красоту Испании, но их восторги можно отнести лишь к прибрежным районам, где и вправду «все объято прозрачной, чистейшей атмосферой». В целом страна выглядит огромной пустыней, каменистой, пыльной, засыпанной камнями, позволяющей солнцу и сухим ветрам истреблять на себе любую растительность. Трудно представить более унылую картину, иногда только оживленную пригнутым к земле деревом или низким кустарником, который при близком знакомстве чаще оказывается перекасти-полем. Тем не менее мертвая с виду почва на самом деле плодородна и при должном уходе могла бы давать хорошие урожаи. Видимо, правы были те, кто утверждает, что богатство лежит под ногами испанцев, стоит только наклониться, но гордый нрав не позволяет им сгибать спину, зато разрешает оставаться «хозяином своего голода», как раньше отзывались о себе жители бедных предместий Барселоны.

Испанский характер, медлительный, спокойный внешне и раскаленный от страсти внутри, дошел до крайности в каталонцах, которых природа одарила гораздо щедрее, чем остальных жителей Иберийского (ныне Пиренейского) полуострова. Их нрав удивительным образом повторяется в Пиренеях: обращенные к Франции роскошными лесами, к Испании они повернуты голыми скалами. В Каталонии постепенно заканчивается унылая пустыня и также медленно преобразуется характер народа, доходя от благородной кастильской лени до стоического упрямства. Обладая обостренным до предела чувством собственного достоинства, каталонцы всегда стремились к свободе. Они отгораживались от собратьев и успешно избавлялись от чужаков, подчас забывая, что именно им обязаны рождением своей столицы – прекрасной Барселоны, типично средиземноморского, по-французски изысканного, по-испански своеобразного города с длинной историей.

Лайя, Барцино, Барсиона

Первую страницу в летописи Барселоны невольно открыл карфагениянин Гамилькар Барка, в 237 году до н. э. расположивший свое войско у холма Монжуик (исп. Монџуик), на узкой береговой полосе между морем и горной грядой Сьерра-де-Кольсерола. Полководец не стал возражать, когда соратники предложили назвать лагерь Барцино, в честь основателя. По прошествии веков трудно сказать, чем руководствовался легендарный воин, избрав для резиденции столь неприметное место, к тому же не обладавшее ни стратегическими, ни какими-либо иными достоинствами. До прихода финикийцев поселение именовалось Лайя, по греческому обозначению лайетан – исконных жителей этих мест.

Иберийское поселение близ Барселоны

Античные историки не утруждали себя подразделением народов полуострова, объединяя их под общим названием «иберы». Видимо, им было проще разграничить многочисленные племена по географическому признаку, отнеся их к внутренним землям и побережью. В число последних входили лайетане, которые, если верить эллинским источникам, приняли воинов Барки дружелюбно, но, кроме отсутствия вражды, никаких следов их взаимоотношений история не сохранила.

Более осязаемое влияние на иберийскую культуру оказали греки, обосновавшиеся в Испании намного раньше карфагян. Эллина познакомили местных жителей с оливой и виноградом, научили отжимать масло, делать вино, то есть производить продукты, ставшие основой материального благополучия региона. Отдельные греческие историки осмеливались называть иберийскую культуру самой древней и наиболее высокой в Средиземноморье, конечно, после эллинской.

По внешности иберы во многом походили на современных каталонцев. Это были стройные люди с тонкими чертами лица, хотя, на взгляд цивилизованных греков, выглядели странно и дико. Суровых аборигенов отличали хриплые голоса и длинные волосы, уложенные в неопрятную прическу. Привыкшие к трудностям, они были трудолюбивы, непоседливы, склонны к приключениям.

Племена с восточных берегов полуострова создали общество, подобное архаичной Элладе. Имевшиеся здесь большие торговые корабли бороздили прибрежные воды, доходя

до Рима и Африки. Бывавшие в этих местах греки восхищались пестрыми многоцветными тканями, а также простым, но невероятно прочным полотном, из которого иберийские женщины шили кафтаны своим мужьям-воинам. Даже сельчане изредка надевали парадное, похожее на тогу платье, столь добротное, что носить его можно было долгие годы. Почтение вызывало самобытное оружие иберов, в частности колющий меч, позже заимствованный римлянами. По уверению древнегреческого историка Страбона, «они вывозят хлеб, много вина, масла не только большое количество, но и превосходного качества. К нам прежде приходило отсюда много шерстяных материй; в настоящее время их шерсть считается лучше нашей и действительно это верх красоты. Достойно похвалы наличие письменности и литературы. Нигде на земле нет столько золота, серебра, меди, железа как здесь... Каждый холм, каждая гора представляют собой кучу денег, насыпанную щедрой судьбой. Одним словом, всякий видевший эти места должен согласиться, что здесь находятся неиссякаемые сокровища природы или бездонное казнохранилище какого-нибудь царства. В то же время местные отличаются простотой жизни, пьют воду, спят на голой земле и подобно женщинам носят длинные волосы, заплетая косы».

Иберийские женщины переняли у греческих пристрастие к богатым нарядам, украшениям и сложным прическам. «Дикарки» были красивы и умели одеваться со вкусом. В селах и городах того времени устраивались своеобразные модные шоу, где дамы представляли лучшие наряды и получали призы. Остаться без награды в этом соревновании считалось позором. Судя по вазовой живописи, мужчины-иберы носили короткие облегчающие штаны, которые держались на подтяжках, перекрещенных на спине; мальчикам надевали короткие юбки. Лайетанские наемники в армии карфагенян даже во время похода красовались в элегантных туниках, чем резко выделялись от своих нецивилизованных собратьев из внутренних районов полуострова, одетых в овечьи шкуры и одежду из грубой шерсти. От шерстяных накидок исходил тошнотворный запах, и, кроме того, эта одежда не окрашивалась в пурпурный цвет, благодаря которому иберийские туники и куртки включались в число подарков императорам Рима. Каталонское одеяние, открытое спереди, с застегивающимся воротом и отворотами на груди считается прообразом знаменитого испанского плаща. Наряду с красными накидками, оно упоминалось в списках дани, выплачиваемой иберами римлянам.

Дама из Эльче. Экспонат музея Прадо

Если верить Страбону, «почти весь год иберы питались дубовыми желудями, из которых приготавливали хлеб, высушив их и размолот. Козье мясо они любят больше всего...». Тем не менее остатки больших сосудов дают основание полагать, что жители античной Каталонии все же пили вино и сумели достичь определенных успехов в его изготовлении. Керамику лийетане освоили в незапамятные времена; с приходом греков их вазы обрели изящные и разнообразные формы, но так и остались бесцветными, поскольку исконные жители полуострова не пожелали выведать у чужаков секрет лака. Зато постройки того времени во многом повторяли тип эллинского акрополя. Недалеко от Барселоны сохранилось циклопическое укрепление длиной около 150 м. Оборонительная стена трехметровой высоты была грубо сложена из камня и защищалась квадратными башнями, выполненными более тщательно, из тесаных и отполированных плит.

Жилые дома, как правило, имели квадратную или многоугольную форму, состояли из одной комнаты, в центре которой находился очаг. Типичный иберийский дом представлял собой обыкновенную хижину с крышей из веток, со стенами из сырца или глины, установленными на каменный фундамент. Мебелью служили низкие каменные скамейки, полки на стенах заменяли шкафы, а брошенный на доски соломенный тюфяк предназначался для сна и отдыха.

Сельские мужчины уходили из дома на рассвете, возвращаясь в сумерках. Суровые будни перемежались с праздниками, когда соплеменники развлекались игрой на музыкальных инструментах и танцами. Впрочем, музыка вкупе с ритмичными движениями сопровождала ибера всю жизнь. Воины шли на битву, странно подпрыгивая под монотонные мелодии, при том громко распевая гимны. Танцевать, размахивая оружием, было принято у погребального костра, где таким образом отдавались почести пылающим останкам. Даже самые отсталые народности полуострова знали эпические поэмы. Матери рассказывали детям истории о подвигах предков. Лийетане увлекались стихосложением, рифмовали законы, слагали поэтические легенды о героях прошлого.

Некрополь Кабрера де Матеро в окрестностях Барселоны принято называть иберийским, хотя многие обнаруженные в нем предметы относятся к греческой культуре. На то, что этот могильник устроен лайетанами, указывает его форма: выстроенный из больших необработанных камней прямоугольник, разделенный на несколько помещений узкими камерами. Каждый коридор имеет ширину не более метра и отмечен камнями, уложенными в виде звезды. Иберы закапывали урны с прахом покойного у подножия каждого камня в заранее подготовленное углубление. Сюда же родственники укладывали погребальную утварь, обычно состоящую из оружия, фибул и прочих украшений умершего, простых и красивых глиняных ваз, видимо, необходимых ему в загробной жизни. Помимо того, в Кабрера де Матеро найдены иберийские вещи из бронзы, греческие чернолаковые вазы в форме колокола, а также подносы с остатками трапезы: кости птиц, животных, рыб, скорлупа яиц. Странное разнообразие пищи приоткрывает завесу тайны свершавшихся здесь обрядов.

Серебряные патеры с гравированными сценами похорон. Экспонат археологического музея Барселоны

Сжигание покойника производилось на так называемых погребальных огнях в отдалении от гробницы. На похоронах вождей у костра устраивалась процессия, похожая на военный парад: всадники и отряды пеших воинов ровными рядами проходили мимо пылавшего предводителя, отдавая честь пением гимна. Сгоревшие останки почитались траурным танцем, певцы провозглашали подвиги усопшего, а когда пламя угасало, начинались траурные игры – состязания «иберийских гладиаторов», в которых принимало участие до 200 пар. Затем золу собирали и помещали в урну, которую ставили в камеру вместе с едой и жертвенными дарами. На одной из найденных серебряных патер с гравированными сценами похорон голова животного припаяна в середине кольца. На обратной стороне посуды помещена круговая иберийская надпись. В некоторых гробницах обнаружены сломанные колеса, но

это не говорит о том, что умершего привезли на колеснице. Колеса от повозки, вероятнее всего, были частью жертвоприношения. Оружие и ценные вещи проходили через погребальный огонь и позже помещались в урну либо рядом с ней. Сабли, дротики, копья и тяжелое оружие деформировались, шлемы сминались во избежание повторного использования или осквернения. После всех положенных ритуалов отверстие замуровывалось, люди уходили, чтобы вскоре вернуться: гробница была рассчитана на несколько десятков тел, а в те времена люди жили недолго.

Бронзовая лошадка. Экспонат археологического музея Барселоны

Погребальную традицию иберов невозможно представить без вотивной пластики, как принято называть миниатюрные (10–20 см) статуэтки, предназначенные для дарения. В целом они представляют собой искусство, отвечающее вкусу простого народа, но иногда скульпторы возвышались над уровнем массового производства и создавали настоящие шедевры. К таковым относится бронзовая лошадка с седлом и упряжью. Подражая греческим образцам, иберийский мастер старался передать движение, для чего, вероятно, изучал работу мышц и конечностей животных.

На рубеже новой эры вотивная скульптура не представляла для иберов особых трудностей, поэтому отливалась в большом количестве: в археологическом музее Барселоны выставлено 1,5 из 4 тысяч таких фигурок. Среди них преобладают изображения людей, хотя есть и боги, и животные. Человеческие фигуры представляют собой образы мужчин и женщин в разнообразных проявлениях местного быта. Древние скульпторы сумели показать соплеменников протягивающими руки с дарами, молящимися, конными, пешими, готовым сесть на коня, рвущимися в бой, в удлиненных куртках, обнаженными, в накидках, скрывающих тело, или, по примеру греков, завернутыми в плащ так, чтобы осталось открытым плечо.

Голова мужчины. Известняк. Экспонат археологического музея Барселоны

В некоторых произведениях стилизованные волосы, глаза, драпировка одежды указывают на подражание греческому искусству, в то время как формы – компактные и тяжеловесные – дают основание отнести такие статуи к иберийской культуре. Создателя известняковой головы мужчины, ныне хранящейся в археологическом музее Барселоны, несомненно, вдохновляла фантазия, а может быть, он просто выполнял собственный портрет. Огромное количество предметов иберо-греческого происхождения обнаружено в 1907 году на развалинах античного поселения Эмпорий – единственного в своем роде памятника эллинской архитектуры в Испании. Обнаружив вблизи Барселоны древний город, археологи посчитали его самой ранней колонией греков на Иберийском полуострове. Действительно, первые поселенцы прибыли сюда в VI веке до н. э., расположились сначала на острове, а затем освоили побережье. Впоследствии два поселка – Старый (лат. *Paleopolis*) и Новый (лат. *Neopolis*) – объединились с помощью насыпного моста, образовав полис. Поднимаясь до пятиметровой высоты, неровные ряды камней мола огибали прибрежный комплекс со всех сторон. С особой тщательностью охранялась южная стена, откуда чаще наступали финикийцы. Гарнизон располагался на трех башнях этой части сооружения, причем ворота между первой и второй стереглись непрерывно. Вход в крепость защищали двойные двери; первая представляла собой железную подъемную решетку, укрепленную на толстых столбах. Вторая двустворчатая дверь была сколочена из дубовых досок и держалась на обычных петлях. Перед воротами начиналась узкая улица, ведущая на площадь, где по античной традиции строились храмы.

Предполагается, что греческий полис был построен на месте ситания (иберийской деревни), поскольку на этом участке при раскопках обнаружили остатки более древних строений. С правой стороны улицы тянулся подземный арсенал: покидая город, греки оставили 2 тысячи свинцовых ядер для пращей, 60 наконечников стрел и катапульту. Не имея сельскохозяйственных угодий, город не обеспечивал себя продуктами, а жил за счет активной торговли, как заморской, так и местной. Среди эффектной греческой керамики в Эмпории были найдены примитивные сосуды из неокрашенной глины, характерные для иберийской культуры. В некрополе на южной окраине города находились и скромные могилы, и

роскошные крытые черепицей, склепы. Обычай оставлять рядом с мертвыми богатые дары позволил сохранить для потомков лаковые сосуды, монеты, драгоценности, великолепные произведения скульптуры, ныне хранящиеся в музеях Барселоны.

Низкая серебряная ваза. Экспонат археологического музея Барселоны

Об изобразительном искусстве испанских эллинов можно судить по рисункам на кухонной, декоративной и косметической посуде. Особый интерес вызывают небольшие, изящной формы, щедро украшенные живописью сосуды, где греческие женщины хранили мази, лечебные смеси, ароматические эссенции, благовония. Самые древние из них относятся к началу греческой колонизации, то есть к VI веку до н. э., когда в Средиземноморье царила восточная культура. Мастера Греции работали в оригинальной технике, используя нехарактерные для своей цивилизации орнаменты и мотивы с изображением фантастических зверей, львов, химер. Типичными для эллинов являются немногим более поздняя чернофигурная керамика, в частности лекифы и алавастры с живописными сценами греческой жизни. Так, на одной вазе можно увидеть Тезея, побеждающего Минотавра, на другой – сражение у стен Трои, на третьей – зарисовки на тему Олимпийских игр: стремительный бег атлетов, кулачный бой, гимнасты с удлинёнными телами, выгнутыми, словно тетива лука.

Богатое собрание краснофигурной керамики позволяет познакомиться с этим видом гончарного искусства на примере лучших образцов. Отдельные и немногочисленные предметы выполнены в восточном стиле. Однако гораздо более сильное впечатление производят такие вещи, как амфоры и кувшины с аллегорическими фигурами, вазы с изображением вакханалий, легендарных битв и подвигов, совершенных гомеровскими героями. На большом куске разбитой пелики четко различимы два уникальных сюжета: свадьба Перитоя и так называемая кентавромахия, или бой кентавров, не настоящий, а разыгранный перед зрителями.

Главным экспонатом в античной коллекции археологического музея Барселоны является мраморная фигура Асклепия. Выполненная в рост человека, она вполне могла быть

работой Агоракрита, самого известного ученика Фидия. Автор изобразил бога врачевания в плаще, сандалиях, его лицо выражает заботу о ближнем. По аналогии с подобными памятниками аттической эпохи (V век до н. э.), можно предположить, что вначале он держал в правой руке жезл, стоя рядом с извивающейся змеей. Однако со временем оба символа были утрачены вместе с рукой. Еще меньше время пощадило статую Артемиды или, по другому предположению, Афродиты – второй шедевр из Эмпория, возможно, созданный Праксителем либо Скопасом, но, несомненно, в эллинистическую эпоху (IV век до н. э.). Другие памятники греческого искусства являются всего лишь копиями, исполненными в Риме и попавшими на Иберийский полуостров в I веке до н. э.

Римские легионеры завоевали крошечный Барцино скорее для порядка, чем по необходимости. Как и предыдущие захватчики, они остались надолго, но, в отличие от предшественников, сумели ввести свои законы, язык, религию. Утверждение римской культуры проходило гораздо тяжелее эллинской, ведь жители Апеннин не отличались мягким нравом и к тому же относились к местным не так благосклонно, как греки.

Постоянная борьба за независимость сформировала в иберах выносливость, мужество, терпение, презрение к смерти. Осаждая города, легионеры не рассчитывали на пленных, поскольку знали, что свободолюбивые защитники пойдут на коллективное самоубийство даже при требовании сдать оружие. Почти каждый иберийский воин держал при себе яд и находил случай бежать или убить себя, если становился рабом случайно. В то же время никто из римских авторов не отрицал такие похвальные качества иберов, как великодушие, благородство, фанатичную преданность вождям. Данная однажды клятва не нарушалась, невзирая на смену условий и неблагоприятную ситуацию. Скрепленное договором слово было принято держать до конца, а при наступлении такового переносить на детей или наследников того, кому оно предназначалось. В римских летописях описан случай, когда выраженная иберами благодарность за выгодный мир перешла от Тиберия Гракха к сыновьям полководца. Такой же факт зафиксирован в отношении Эмилия Павла и его приемного сына Сципиона.

Крепостная стена в иберийском поселении близ Барселоны

Особенности народного характера определяются условиями развития конкретного общества. Из трудов греко-римских писателей можно узнать, каковы они были у иберов, как политическая ситуация влияла на испанский нрав и традиции. Некоторые писатели называли имена иберийских героев, показывая, какими они были в быту и на войне. Будучи врагами, римляне отнюдь не воодушевлялись доблестями диких племен и, соответственно, не могли

правильно оценить их качества. Ни один из римских поэтов не воспел вражеский героизм, как это сделал Гомер при описании Троянской войны. Юстин и Тацит далеко не лестными словами отзывались об иберах, которые молчали во время пыток и, чтобы случайно не проговориться на казни, распевали песни, будучи распятыми на кресте.

Вражда не помешала римлянам сделать широкий жест, превратив захолустное поселение лайетан в настоящий город под названием «Фавенция Пиа Августа Патерна Барцино». Обретя сложное и красивое имя, он получил статус центра Лайетании, вскоре став крупнейшим после Таррагоны населенным пунктом Ближней Испании, куда вместе с Каталонией входило все восточное побережье. В то время город защищала система крепостных укреплений, от которой в современной Барселоне сохранились ворота с башнями и фрагменты одной стены. Дворец римского наместника, административные здания, жилые дома, форум, театр, святилища располагались на самом высоком месте римской колонии – холме Табер, то есть там, где была обнаружена большая часть экспонатов археологического музея Барселона. Остатки храма, возведенного во II веке н. э. в честь императора Августа, сохранились в одном из средневековых зданий на улице Каррер парадис. Рядом с античными развалинами живут и работают люди, нисколько не мешая туристам любоваться на четыре мощные, установленные на подиуме, коринфские колонны с каннелюрами и архитравом.

Сегодня о древнеримской Испании можно судить по скульптуре, бюстам военачальников, роскошным саркофагам, мозаикам, керамической посуде, не слишком хорошо сохранившимся архитектурным фрагментам. К последним относятся три угловые колонны, некогда принадлежавшие храму Августа, а сегодня украшающие Каталонское экскурсионное бюро.

Прямые улицы Фавенции Барцино пересекались под прямым углом, образуя редкую в мировом градостроительстве прямолинейную структуру. Длинные магистрали кардо и декуман тянулись от одной стены к другой и, пересекаясь крест-накрест, разделяли город на четыре больших квартала. На протяжении многих веков каталонская столица разрушалась и перестраивалась, раздвигались ее границы, но заведенный римлянами порядок сохранился до наших дней. Не случайно сегодняшнюю Барселону иногда называют шахматной доской, в которой может заблудиться лишь очень плохой игрок.

Барселонская романика

Невозможно переоценить вклад мастеров Каталонии в развитие искусства Испании. Во времена Средневековья и Раннего Возрождения столица края – славный город Барселона – служил своеобразным художественным форпостом, через который вглубь полуострова, словно сквозь распахнутые ворота, проникали новые веяния. Быстро распространяясь в своем отечестве, передовая каталонская культура играла важную роль в испанском искусстве, способствуя преодолению его замкнутости и подъему международного авторитета. Живопись, скульптура, превосходное зодчество Испании долго не заслуживали признания, в отличие от литературы, возможно, потому что были слишком оригинальны, а следовательно, непонятны широкой публике.

На своеобразии каталонской культуры в немалой степени повлиял общественный уклад, но решающая роль все же принадлежала характеру жителей, которые рьяно отстаивали независимость тогда, когда другие испанские народы стремились к объединению. Первой попыткой единства можно назвать королевство вестготов, созданное на Иберийском полуострове в V веке. Видимо, новым хозяевам понравилось в Фавенции Барцино все, кроме названия. Лаконичное творение римлян было переименовано в Барсиону, но со временем варварский термин стал звучать мягче и преобразовался в Барселону. Заметно оживившийся в 531–554 годах город был резиденцией германских королей, пока они не перебрались в Толедо, после чего будущая столица Каталонии, едва вкусив славы, вновь стала захолустным поселком. Впрочем, за ним сохранился статус центра области, входившей в состав более крупной территориальной единицы – Готолунии, от которой произошло и к XII веку стало применяться официально слово «Каталония».

Древние оборонительные сооружения Барселоны

Попад под влияние римской культуры, германцы забыли свою религию. Взамен ярких образов солнца, земли, природных стихий они восприняли учение о едином Боге. Вначале непонятые тонкости христианской догматики проявлялись у них в форме арианства, представлявшего собой веру, в некотором роде уклонявшуюся от общепризнанной теории о единственности Бога-отца и Бога-сына. Принятие христианства вестготами связано с деятельностью епископа Ульфилы, который первым перевел Библию на готский язык, способствовал устройству церквей в Барселоне и других городах, где обосновались варвары.

Культура пришельцев, так и не успевших почувствовать вкус цивилизованной жизни, находилась на низком уровне и к тому же была заимствована из Рима и Византии. В искусстве, как и в строительстве, вестготам не доставало мастерства, но сами художники, к счастью, об этом не догадывались, восполняя опыт старанием и особым пониманием красоты. Несмотря на примитивность, их архитектура заключала в себе черты римского монументализма и византийской роскоши. Массивные постройки выглядели придавленными к земле, простую кладку стен еще не отягощал сплошной декор, появившийся в испанском искусстве гораздо позже. Тяжелые стены придавали домам сходство с крепостями. Неровные поверхности гармонично сочетались с перекрытиями, грубо сработанными из широких толстых досок и цельных бревен. Для зданий культового характера использовались коробовые своды, полуциркульные арки, в меру пышные колонны коринфского и смешанных ордеров, а также план – базиликальный римский или крестообразный греческий.

По словам латинского поэта Аврелия Пруденция, церкви готы походили на базилики, не отличались величиной, зато радовали взор богатством наружных и внутренних облицовок из разноцветного мрамора и яшмы. Религиозное усердие, конечно, повлияло на число храмов, но светская архитектура занимала в Барсионе отнюдь не последнее место.

Известная лишь по легендам, Готолунья ушла в небытие вместе с вестготскими королями, которые после трех веков царствования уступили свои владения арабам. Мусульмане прибыли из Северной Африки в 711 году, прошли через весь полуостров форсированным маршем и, не сумев укрепиться в северной его части, обосновались на юго-востоке, где создали рай под названием Ал-Андалус. Через два года после этих событий мусульманские владыки вошли в Барсиону, но город, видимо, их не заинтересовал, поскольку в самом начале следующего века его без труда захватили франки во главе с Людовиком Благочестивым.

Краткое пребывание мавров почти не повлияло на местную культуру, зато потомки Карла Великого сделали с полузабытой крепостью примерно то же, что и римляне: она снова стала городом и, более того, – центром самого крупного графства в составе Испанской марки, образованной из нескольких графств, вассально зависимых от империи Каролингов. Вначале правителями Барселоны поочередно становились то представители вестготской знати, то франки: Бера, Рамон, Бернард I Септиманский, Беренгер Тулузский, Бернард I Септиманский, граф Сунифред, узурпатор Гильермо, Альдеран, Одалырик, Гунфрид, Бернард II Готский. Их владения, как и земли других каталонских владык, неуклонно увеличивались за счет отвоеванных у мавров земель. Своеволие местных вынуждало франкского короля назначать графов из числа своих, но с ослаблением империи слабела и зависимость каталонских графств. Растущее богатство и обретение самостоятельности сопровождалось процессом объединения в крупный политический союз. Таковой сформировался во время царствования младшего сына Людовика Благочестивого – Карла, вошедшего в историю под прозвищем Лысый. Он был хорошим воином и, видимо, неплохим политиком, если продержался на троне франкского королевства более 30 лет и к концу жизни получил от папы римского титул императора.

Карл Лысый

Из каталонских вассалов наибольшую преданность ему проявлял некий Вифред эль Пилос. Война была его жизнью, а мысль об избавлении родины от всяческих врагов поддерживала в трудных походах. Говорят, что в одном из боев с норманнами, совершавшими разбойничьи вылазки на землях королевства, он получил множество тяжелых ран, но, истекая кровью, крепко держал меч, за что был вознагражден землей, титулом графа Барселонского и прозвищем, в противоположность сюзерену, Волосатый.

Новоиспеченный правитель Барселоны стал родоначальником династии, просуществовавшей более 500 лет. Вифред Волосатый смог объединить несколько графств и передать управление ими в наследство своим сыновьям. После смерти графа союз распался, но ядро, представленное ближайшими к Барселоне государствами, осталось, и вокруг него постепенно складывалась Каталония. Ее главный город исподволь превращался в столицу крупной, практически автономной державы. В дальнейшем ее границы расширились, в основном за счет приданого графских невест. Результат в подобных случаях достигался гораздо медленнее, зато мирным путем, без усилий и материальных затрат.

Если верить позднейшим летописцам, знаменательная битва произошла в 878 году. Тогда же и на том же поле боя возникли первые элементы каталонской символики – желтый щит с четырьмя вертикальными полосами красного цвета. В народе говорят, что линии начертал сам Карл Лысый, проведя окровавленными пальцами Вифреда по золоченому щиту. Испанские хронисты относятся к этой легенде скептически, поскольку знают, что император умер годом раньше и, вероятнее всего, не бывал в Испании. Летописцы выдвигают несколько версий происхождения каталонского герба, но доверять можно лишь одной, по которой он произошел от красно-золотого флага раннесредневекового Бургундского (Арелатского) королевства.

Арагоно-каталонский герб и геральдические знамена Сицилии, Сардинии, Корсики. XIV век

Каталония почти не испытала иноземного влияния, поскольку распрощалась с арабами так же быстро, как и с франками. Отношения между добрыми соседями резко ухудшились в трагическом 985 году, когда Барселону разграбили мавры. Правивший тогда маркграф Боррелл II пожелал отомстить и попросил помощи у франков. Те согласились, правда, не сразу, а после того, как французский престол занял Гуго Капет.

Основатель знаменитой королевской династии решился на трудный поход ради укрепления и прославления своего рода, но планы внезапно изменились, иберийская кампания была отложена до неопределенной поры, и рассерженный Боррелл отвернулся от Капетингов. Завязав прямые связи со Святым престолом, он выхлопотал право выпускать монеты собственной чеканки, а в 988 году прекратил посылать сюзерену оговоренную дань. Позже именно этот момент посчитался «днем независимости» Каталонии. Заявив об автономии, усилив политическую власть с помощью оружия и толстого кошелька, правители Барселоны

сделали первый шаг к возвышению города. Следующий владыка Рамон Боррелл оказался на престоле в разгар междоусобной борьбы. Чтобы добиться передышки, ему пришлось принять покровительство мусульман и некоторое время платить дань золотом.

С 1018 года и почти до конца века графы Барселонские вольно или под давлением обстоятельств разделяли власть с женщинами. Тогда, на рубеже тысячелетий, столица Каталонии не имела особого значения даже в рамках своей державы. Провинция не нуждалась в монументальной архитектуре, поэтому город, озабоченный лишь защитой от врагов, был невелик и невзрачен с виду. Граф Беренгер Рамон Горбун правил под неусыпным оком своей матери Эрмезинды и, возможно, с ее разрешения ввел в Барселоне вестготский кодекс *Fuero Uzgo*. Его сын Рамон Беренгер Старый предоставил бабушке целый город вдалеке от столицы, но та претендовала на Барселону, вплоть до своей смерти изводя внука притязаниями на трон. В том же столетии политическая обстановка на северо-востоке полуострова резко изменилась, и уже мусульманские владыки платили дань каталонцам. Похоронив первую супругу, граф женился на Алмодис ла Марш, правившей вместе с мужем более 20 лет и погибшей от меча своего пасынка. После того как убийца подвергся самому страшному наказанию, то есть был изгнан из Барселоны, старый граф в поисках смерти отправился воевать с соседями, усадив на трон младших сыновей Рамона Беренгера и Беренгера Рамона. Один из братьев-близнецов вскоре погиб на охоте, а второй управлял плохо, воевал неудачно, закончив жизнь в Иерусалиме, куда был сослан замаливать грех братоубийства. Каталония досталась его осиротевшему племяннику, Рамону Беренгеру III, которого потомки прозвали Великим. Еще более громкого прозвища – Святой – удостоился Рамон Беренгер IV. В знаменательном 1137 году граф женился на арагонской принцессе Петронилье и вместе с юной красивой супругой получил в приданое целое королевство. Правда, он так и остался графом, а правом называться королем воспользовался его наследник Альфонсо II, который возглавил союз государств, объединенных под названием «Каталонский принципат». Удачный брак правителя оказался выгодным для подданных, поскольку в результате слияния с Арагоном Каталония возвысилась до уровня морской державы, а ее главный город стал полноценной столицей. Богатство пришло спустя столетие, когда каталонские войска сумели захватить острова и часть итальянского побережья Средиземного моря, в том числе такие благодатные земли, как Сардиния и Неаполь. Достигнув вершины могущества, Барселона вплоть до XIV века считалась крупнейшим городом полуострова. Ее правители диктовали свою волю соотечественникам, сумев подчинить соседнюю Валенсию и ряд заморских государств, включая Сицилию, Корсику, Болеарские острова, Руссийон и ненадолго часть Греции.

В расширении сферы морской экспансии были заинтересованы, прежде всего, предприимчивые, знавшие толк в торговле барселонцы, которые имели большой флот еще со времен Карла Лысого. С захватом новых территорий торговля стала развиваться еще быстрее. Каталонские купцы доходили до Азовского моря, встречались в портах Сенегала, Египта, стран Магриба, конечно, не забывая города Западной Европы. Наибольшей активностью отличались деловые связи с итальянцами, давними и более удачливыми конкурентами испанских купцов на Средиземном море. Городские торговцы продавали на местных рынках и отправляли за море сукна, шелка, ткани из хлопка. Высокой похвалы заслуживала своеобразная каталонская керамика, стеклянная посуда, прекрасно выделанная кожа. Разросшиеся предместья Барселоны плотно обступили древний центр с его римскими оборонительными стенами. Новая организация города породила обширную систему укреплений, от которых к сегодняшнему дню сохранился лишь сектор вблизи корабельной верфи.

Романский храм

В XIV столетии Барселона процветала и, находясь под защитой арагонской монархии, являлась главной в конфедерации вольных городов Каталонии. В 1289 году каталонцы дружно одобрили создание кортесов (исп. *cortes Catalanes*), тогда еще не зная, что именно у них появился первый в Европе парламент – сословно-представительный орган правления, состоящий из дворян, духовенства и гражданского населения.

В перерывах между сессиями работала Генеральная депутация, которой вменялось контролировать выполнение законов. Муниципальную власть осуществляли пять выборных советников, время от времени созывавшие Совет ста, куда приглашались горожане различных социальных групп. Они следили за порядком на городских улицах и площадях, распоряжались городской казной, обеспечивали земляков продовольствием, заботились о реализации привилегий, данных городу королем Арагона. Тем не менее средневековая Барселона была далека от демократии так же, как и все города тогдашней Испании. Однако заведенный порядок обеспечивал развитие во всех сферах общественного бытия, особенно в торговле – главном источнике богатства знатных горожан и благополучного существования их менее зажиточных собратьев. С тех пор в своеобразном каталонском характере закрепились черты, выгодно отличавшие местных жителей от населения других районов полуострова: трудолюбие, деловая активность, разумное отношение к жизни.

Экономический подъем сопровождался небывалым расцветом культуры, вначале испытавшей сильное влияние Франции. К тому времени архитектура Барселоны уже более 300 лет подчинялась канонам романского стиля, где искусство итальянских зодчих дополнялось опытом строителей Ломбардии. Внутреннее пространство церквей, все еще походивших на крепости, составляли три нефа, или вытянутые помещения, ограниченные колоннами с продольных сторон. Перекрытием служили своды цилиндрической формы, в храмовый комплекс входила колокольня, а стены были украшены аркатурными фризами и глухими арками, то есть деталями, типичными для ломбардской архитектуры.

Единственным образцом романского зодчества в сегодняшней Барселоне является небольшая церковь Сант-Пау дель Камп (церковь Святого Павла в Полях), как и прежде одиноко стоящая за городской стеной. Возведенная в начале XII века, она едва не погибла при вторжении арабов, но вскоре была восстановлена в прежнем виде. Фасад главной из трех абсид (алтарных выступов) храма воплощает в себе все характерные черты испанской романики. Таковыми являются фризы, выполненные в виде ряда мелких арок, круглое окно

под крышей, портал с колоннами, оставшимися от вестготской постройки. Парадный вход в Сант-Пау дель Камп по традиции оформлен тимпаном: в обрамленное аркой углубление над дверью помещены рельефы с изображением гербов.

Уютный дворик привлекает внимание сложным для того времени декором с трех- и пятилопастными арками на двойных колоннах. Внутренние дворы храмов и христианских монастырей иначе назывались клуатрами. Суровые стены скрывали от посторонних глаз небольшие обрамленные колоннами площадки, щедро украшенные зеленью и скульптурой. Ваятели романской Каталонии славились отделкой капителей. Почти все они работали с пиренейским мрамором, создавая на ограниченном пространстве верхней части колонны целые композиции. Сюжетной основой таких сцен служили не только священные тексты, но и народные сказания.

Церковь Сант-Пау дель Камп

Кроме Сант-Пау дель Камп, к романскому наследию Барселоны принадлежат фрагменты собора, основание дворца архиепископа и несколько капелл. Одна из часовен воздвигнута в одном столетии с храмом на деньги негодичанта Берната Маркуса, знаменитого своей щедростью по отношению к церкви.

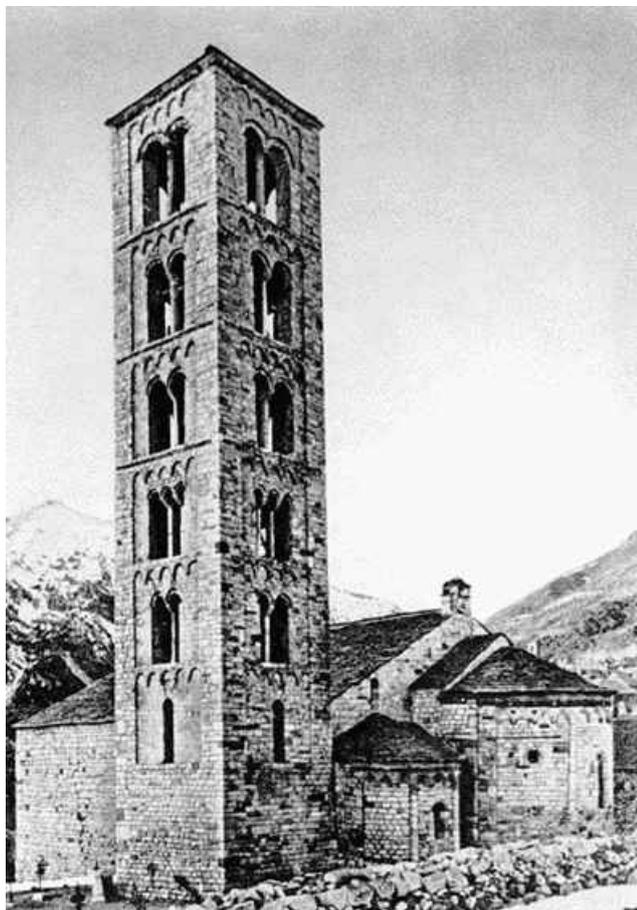
Проникновению в Испанию французского искусства в значительной мере способствовали члены монашеских орденов. Первыми были бенедиктинцы, последователи святого Бенедикта Нурсийского, которые занимались обустройством пути паломников к гробнице апостола Иакова в Сант-Яго де Компостелла. Священная дорога тянулась по северной части полуострова, но слухи о красоте их построек доходили до других районов. Испанские зодчие перенимали технику, использовали приемы оформления, но строили сообразно собственному вкусу, как известно, отличному от французского. Архитекторы Каталонии не отказывались от привычных романских форм, добиваясь необычного эффекта с помощью сложного декора, обилия статуй, совершенства каменной кладки.

Бурная деятельность братьев-цистерцианцев привела к появлению больших монастырских комплексов вблизи Барселоны. В XII веке недалеко от города появились романские постройки обители Санта-Мария, основанной Рамоном Беренгером IV, а также мрачные строения гробницы графов Барселонских, расположенной на пути из Таррагоны в Лериду.

Архитектура здешних dormitorioев получила развитие в формах и конструктивных особенностях каталонской готики.

Реконкиста обеспечивала новым королевствам постоянный приток художественных сил. В безуспешной борьбе с испанцами мавры утратили религиозную терпимость, изгоняя иноверцев со своих, неуклонно уменьшавшихся, земель. Барселона по примеру других городов принимала беженцев, среди которых были замечательные мастера-мосарабы, как тогда называли христиан, принявших арабские обычаи. Являясь носителями восточной культуры, они резко выделялись среди единоверцев так же, как отличались их произведения от всего, что создавалось испанцами. Особое мастерство мосарабы проявляли в светском строительстве и создании художественных миниатюр.

Средневековая Барселона считается местом рождения национальной литературы и поэзии на каталанском языке. В течение всего XII века здесь наблюдался рост образования, основывались учебные заведения, развивалось изобразительное искусство, такое же оригинальное, как и местный характер. Однако наибольших успехов местные мастера достигли в живописи.

Церковь с колокольной ломбардского типа

Романские росписи, ныне выставленные в залах Музея каталонского искусства, изначально украшали стены деревенских церквей вблизи Барселоны. Затерянные среди голых скал базилики с высокими ломбардскими колокольнями строились из местного камня. Закрытый объем вкупе с едва заметной неправильностью форм придавал им сходство со скульптурной композицией. Те же ощущения вызывало и внутреннее пространство, где полумрак, скрывая бедность убранства, подчеркивал яркие краски росписей. Помимо картин, впечатление торжественности создавали архивольты арок, скромная резьба по камню, окруженный светильниками алтарь с распятием или деревянной статуей Мадонны. Слабый

свет проникал через узкие, похожие на бойницы длинные окна абсид, выделяя из темноты застывшие, очерченные темным контуром фигуры богов и святых. Вечером, когда вокруг алтаря загорались свечи, пламя озаряло лишь некоторые детали, например лица с резкими чертами и огромными, глядящими в никуда глазами. Суровая тяжеловесность фигур гармонировала с таинственным и фантастическим миром, который стремился создать каждый романский художник.

Богоматерь. Настенная роспись, 1123. Экспонат Музея каталонского искусства

Внутри храма член общины ощущал себя в особой замкнутой среде, где все напоминало о вере, где не оставалось места земному, а о небесном рассказывалось доступным и выразительным языком живописи. Там, в отличие от музея, никогда не нарушалась особая атмосфера, присущая средневековому искусству, где в единое целое сливались зодчество, скульптура и живопись. Не слишком умелые в деталях, романские мастера достигали совершенства в общем, умея находить гармонию между внешним обликом здания и тем, что происходило внутри.

В абсидах обычно размещались самые торжественные и отвлеченные образы: в конхе – Христос Пантократор или Богоматерь Во Славе, в окружении ангелов, серафимов и символов евангелистов, верхний ярус стены абсиды под конхой занимали представленные строго фронтально апостолы и святые. Росписи стен отличались более свободным характером, поскольку имели второстепенное значение в убранстве храма. Чаще всего это были сцены из Апокалипсиса, жизни святых мучеников, но изредка встречались и вовсе удивительные картины. Так, в одной из церквей прихожане взирали на вавилонского царя Навуходоносора и развлекающих его жонглеров, чуть ниже располагались изображения верблюдов. Каталонские росписи являлись фресками лишь отчасти, поскольку по сырой штукатурке выполнялся только первый слой картины, тогда как остальное художник писал темперными красками

на сухой поверхности. Техника темперы не допускала смешения красок, поэтому живопись радовала взор ярким колоритом, возникавшим из сочетания чистых тонов, применявшихся в простых нерезких сочетаниях.

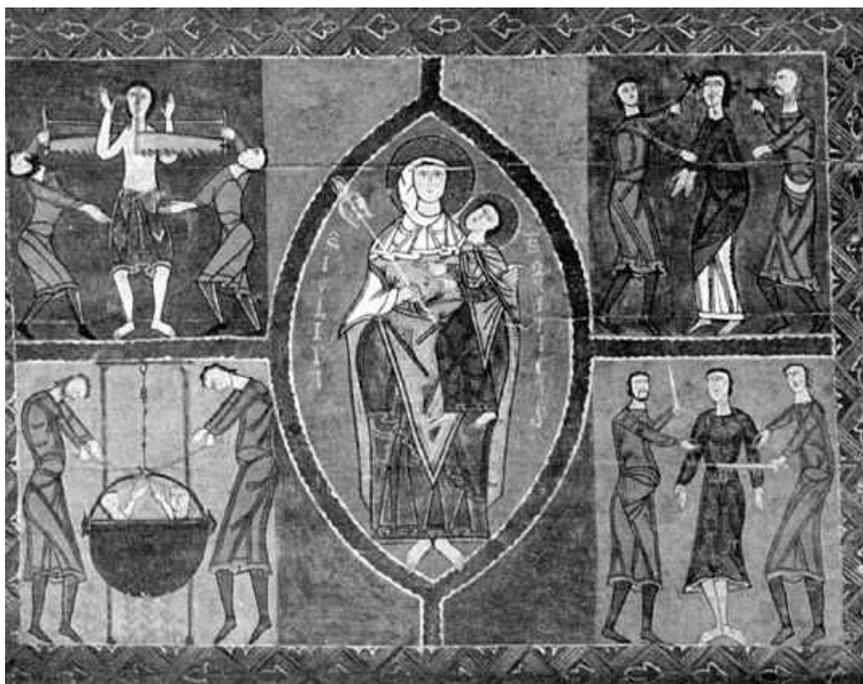
Христос Пантократор. Фронталь, XII век. Экспонат Музея каталонского искусства

В романских церквях Испании большое внимание уделялось алтарю, который находился в центральной абсиде. Сохраняя древние формы жертвенного стола, он изредка покрывался балдахином и всегда был дополнен фронталом – расписной передней стенкой, выполненной из дерева с живописью или из ступа с рельефной скульптурой. Живописная композиция четко разделялась на три части: помещенные в центре образы Христа и Марии обрамляли житийные сцены. Прямоугольная доска фронталя при высоте не больше одного метра достигала полутора метров в длину, благодаря чему серединная и боковые части соединялись в общую каноническую композицию, правда, в клеймах допускались жизненные либо навеянные фантазией художника детали.

Если настенные картины имели матовую, чуть шероховатую поверхность, то фронталь, также выполненный темперой, покрывался особым лаком, который придавал им мягкий шелковистый блеск. Украшая алтари, провинциальные мастера увлекались интенсивными красками, предпочитая желтый и красный цвета, обводили свои творения узорчатыми бордюрами, писали фигуры на орнаментальном фоне, щедро применяя инкрустацию и раскрашенные рельефы из ступа. Все эти элементы напоминали о работе ювелира и отчасти заменяли золото и драгоценные камни, которые использовались при создании подобных сооружений в столичных соборах.

Романские росписи Каталонии несколько грубоваты и не совсем правильны с точки зрения современного искусства. Однако не стоит винить в том исполнителей, ведь качество письма не всегда зависело от того, что в горных церквях работали не самые известные мастера, а зачастую и простые ремесленники. Упрощенность свойственна романской живописи так же, как тяжелые формы зданиям: тогда эти качества определялись необходимостью, а сегодня, даже став анахронизмом, интересны своим отношением к древней культуре.

Каталонская живопись отражала две стороны романского искусства – связь с земной реальностью и мистические представления. Расписывая стены и свод храмов, мастера того времени проявляли наблюдательность, тягу к конкретности, смело воплощая свои представления о мире, еще не отягощенные традициями. Их творчество понятно, изображения отличаются наивной наглядностью, легко читаются, не обременяя зрителя разгадыванием сложных символов, как было принято в изобразительном искусстве готики.

Святой Кириак и святая Жулитта. Фронталь, XII век. Экспонат Музея каталонского искусства

Во фронтале, посвященном Кириаку и Жулитте, в изумительно красивой гамме синекрасных тонов представлены сцены, где святых варят в котле, бьют палками, распиливают огромной двуручной пилой. На одной из росписей изображен калека Лазарь, который, по евангельской притче, лежал у ворот богача, напрасно ожидая милостыни. Неизвестный мастер старался придать своему герою сходство с теми несчастными, кого он мог ежедневно видеть на улицах Барселоны. Горестный образ бедняка составляют такие типичные детали, как изможденное лицо, жалкие остатки платья, тощее тело, покрытое язвами, которые зализывает собака. На место действия указывает полуоткрытая дверь с черными железными накладками, тогда скреплявшими все деревянные детали.

Калека Лазарь. Настенная роспись, 1123. Экспонат музея каталонского искусства

Отказываясь от лишних подробностей, художники Каталонии воспроизводили только общие, зримые признаки предмета, благо заказчики не требовали слишком строгого подчинения канонам. Четкое выделение контуром не позволяло фигурам сливаться с ярким фоном и, кроме того, зрительно выводило их из плоскости картины, таким образом приближая к зрителю. Того же эффекта художники достигали с помощью контрастных тонов и мерцания красок. Не теряя условности, образы становились более доступными для восприятия. Аналогичный прием нетрудно заметить в местной скульптуре: достаточно вспомнить объемные романские капители с фигурами, казалось, готовыми освободиться от камня. В романской живописи наглядность имела первостепенное значение, ведь простые, понятные каждому картины могли подчинять мысли набожной толпы. В решении этой задачи мастера Каталонии всегда опережали своих европейских коллег. Выразительность их произведений несла яркий отпечаток веры, то наивной, то исступленно суровой. Натуралистические сцены внушали ужас или боязливое почтение; люди содрогались от вида плотских страданий, приходили в восторг от величественного вида Христа Пантократора и успокаивались перед прекрасным ликом Богоматери. Живопись вселяла надежду, будила воображение красотой цветовых контрастов, затейливыми узорами, фантастическими персонажами.

Во многих фронтонах и фресках, населенных статичными, приземистыми либо неестественно вытянутыми фигурами, в простодушных лицах героев чувствовалась жизнь, близкая к еще не забытым культам предков.

Готический квартал

В 1469 году кастильская инфанта Изабелла вышла замуж за арагонского принца Фердинанда. Через 5 лет супруги стали королями, объединили свои владения. Позже к союзу двух мощных королевств примкнули добровольно и были присоединены силой другие государства полуострова.

Все эти события привели к победному завершению Реконкисты, в результате обеспечив стране свободу от мавров, новые плодородные земли и сокровища Америки. Добытое в Новом Свете золото туземцев являлось весомым богатством, к тому же полученным не тяжким трудом, а путем благородным, то есть с помощью войны и столь приятных испанцам морских походов. В правление Католических королей территория графства Барселонского значительно расширилась, но гордые каталонцы этому не обрадовались, ведь их государство с тех пор стало провинцией, а столица, лишенная почетного статуса, превратилась в обычный город.

Последние монархи покинули Барселону около 500 лет назад, но если бы их потомки решили вернуться, то наверняка не испытали бы недостатка в резиденциях.

Готический квартал

Самая старая обитель королей и графов располагалась в квартале, который вначале был просто центром города, а затем, заняв место между кафедральным собором и ратушей, стал именоваться Соборным. В начале прошлого столетия он получил название «Готический» из-за преобладания средневековой застройки. Великолепные здания в стиле пламенеющей готики (от итал. *gotico* – «готский») сохранились и в других районах, но именно здесь, в сердце Барселоны, архитектурный ансамбль предстает в идеальной гармонии.

Старинная Пласа Нуэва (Новая площадь) в античные времена являлась местом, где находилась центральная площадь римской Фавенции Барцино. Позже здесь расположился городской рынок, где рядом с керамикой, зеленью и фруктами торговали рабами. Сохранившиеся на этом участке башни возводились римлянами: в Средневековье они являлись частью крепостной стены и долго служили единственной надежной защитой города.

К тому же периоду относится появление епископского дворца, со временем оказавшегося между римскими башнями и современным зданием Коллегии архитекторов. Странный, но весьма эффектный ансамбль завершает вневременное творение Пабло Пикассо, исполнившего фриз на фасаде дома зодчих. Первые элементы готики в Барселоне появились уже в начале XIII века, сначала в виде изысканных деталей на стенах, а затем и в отдельных зданиях, преимущественно культовых. В этой манере создавались удивительно смелые, невиданные ранее архитектурные образы.

Старый Королевский дворец с башней короля Мартина

В отличие от романской архитектуры готика не тяготела к камерности. Завершив развитие европейского средневекового искусства, динамичный, живой и открытый художественный стиль отвечал потребностям большого количества людей. В архитектуре его ведущим типом стал главный городской собор со стрельчатыми арками, крестовыми сводами на нервюрах (арка из тесаных клинчатых камней, укрепляющая ребра свода), небывалыми по высоте и обширности интерьерами, кружевной резьбой, огромными окнами и многоцветными витражами. Впечатление устремленности ввысь создавали исполинские башни, чуть изогнутые статуи, высокие порталы, украшенные сложным орнаментом. Появление готического стиля совпало с духовным преобразованием общества, которое поклонялось Богу так долго и настолько фанатично, что успело забыть о реальном мире.

Готическая архитектура Барселоны

Характерный для тех времен расцвет городской культуры нашел яркое выражение в облике Барселоны. Освященный в 1298 году готический собор расположился в самом ее сердце, став центром, который словно притягивал к себе самые красивые и величественные постройки. Одной из них является старый Королевский дворец. Заложенный еще в романскую эпоху, он служил резиденцией графов Барселонских, хотя был достроен только в 1370 году, когда династия перестала существовать. В том же веке в основном оформилась одноименная площадь и был завершён Тинелль – парадный зал дворца. Архитектор Гилермо Карбонель уравновесил его обширное (35 x 18 x 12) пространство с помощью мощных поперечных арок. Поддерживая деревянный раскрашенный потолок, они опирались на круглые колонны, наполовину вделанные в стену. Пролеты получились настолько широкими, что зодчелю пришлось устраивать боковые арки. В простенках располагались окна, в некоторых местах дополненные глухим арочным проемом в мавританском стиле и декоративным световым фонарем в виде готической розы.

Изначально каменную кладку стен Тинелля оживляла монументальная живопись. О качестве росписей можно судить по словам короля Мартина, который назвал их самым прекрасным из того, что имелось во дворце, а также по уцелевшим фрагментам, позже выставленным в Историческом музее Барселоны. От многочисленных фресок начала XIV века до сегодняшних дней сохранилась лишь одна картина с изображением пехоты и кавалерии, выступающих в поход во главе с королем Мартином.

Придворная капелла Санта-Агеда появилась в старом Королевском дворце вместо разрушенной часовни Санта-Мария и, так же как предшественница, покоилась на остатках римских стен. Монархи обращались к Богу в единственном, довольно тесном, зато головокружительно высоком помещении со стрельчатыми арками и расписным деревянным потолком. На апсиде сохранились гербы короля Якова II и его супруги Бланки Анжуйской, а ниши над главным алтарем заняли росписи «Поклонение Волхвов» и «Распятие». Две большие картины резко выделялись в окружении шести малых, с изображением сцен из Священной истории. Сюжет заалтарной композиции – ретабло (от лат. *retrotabulum* – «запрестольный») – связан с драматическими событиями борьбы каталонцев против короля Арагона. Войну за престол начал принц Карлос де Виана. После его неожиданной смерти войска возглавил пре-

старелый коннетабль Португальский, который назвал себя королевским именем дон Педро и молился перед собственным алтарем, выполненным по личному заказу в 1464 году.

Ретабло коннетабля Португальского, 1464–1466

В недрах средневекового каталонского искусства зарождались и крепились сложные, но ясно обозначенные процессы, ставшие основой испанской живописи. Если в романские времена фронталь и настенная роспись считались единым художественным явлением, то в готике преобразованный алтарный образ сначала отделился от фрески, а потом окончательно ее вытеснил. Интересно, что тогда главными считались иконы обратной стороны алтаря, позже соединенные в грандиозную композицию ретабло. Едва появившись в испанском искусстве, это сооружение стало характерной и обязательной принадлежностью каждого храма, от столичного собора до крошечной приходской церкви в американской колонии.

Корпуса Королевского дворца возводились с большим отрывом во времени и к тому же были наделены разным значением. Здесь изредка располагались знатные гости из Мадрида, сюда городские власти определили инквизицию, а с XVII века члены священного суда обитали по соседству с монахами, которым выделили самое древнее крыло здания. С 1940 года в бывших монастырских кельях действовала выставка религиозной живописи. Началом музейной коллекции послужил дар Фредерика Мареса Деуловоля, который передал городу великолепные образцы средневековой каталонской скульптуры.

Вскоре рядом с ними появились иберийские, греческие и карфагенские статуи, а также произведения кастильских и арагонских мастеров XV века. Особый интерес представляет богатая коллекция распятий и крестов – деревянных, металлических, эмалевых, расписных. Однако наибольшее впечатление производит группа рельефов из алебаstra. Служители музея затрудняются ответить на вопрос об авторствах композиций «Благовещение», «Поклонение пастухов» и «Посещение Девой Марией святой Елизаветы», зато без сомнения приписывают иконы «Введение во храм» Франсиско Жиралте, а «Мадонну с младенцем» относят к школе Алонсо Берругете.

Войско Педро III. Ростись в зале Тинелль

Некогда в зале Тинелль собиралась почти вся Барселона. Сотни горожан приходили сюда посмотреть на королей, отметить праздник, порадоваться появлению нового святого или погоревать над прахом умершего члена королевской семьи. Здесь же заседали кортесы, не сразу получившие отдельное здание. Однажды Тинелль почтил своим присутствием Христофор Колумб, которому Католические короли назначили аудиенцию после первого плавания в Америку.

Записки о пребывании великого мореплавателя в Барселоне, как и документы, относящиеся к древней каталано-арагонской монархии, сегодня хранятся в городском архиве. Эта почтенная организация занимает Каса дель Ардиака – дом, построенный в XI веке и к 1549 году восстановленный в стиле ренессанс для архидиакона Луиса Десплы. Испытавшее многократные перестройки здание не отличается изысканным видом, зато имеет очаровательный внутренний дворик, где святой отец отдыхал от государственных дел. Особенно привлекательна галерея из низких арок, откуда лучше всего виден фонтан, выложенный мхом.

Среди множества общественных зданий особого внимания заслуживают биржи, одна из которых располагалась в Готическом квартале. Этот тип сооружений, известный еще с античных времен, был весьма распространен в средневековой Каталонии, где получил иное, воистину революционное развитие. Барселонская биржа строилась в 1380–1392 годах и в середине XVIII века была перестроена в неоклассическом стиле. После многих переделок старый зал так и остался главным; в нем по-прежнему собирались купцы, которым требовалось большое пространство для деловых встреч, заключения торговых сделок, совершения денежных операций. Огромное помещение проектировал и строил архитектор Пере Арвей. Он разделил зал на три части, особым образом расположив полуциркулярную аркаду на тонких, очень высоких колоннах.

Плоское деревянное перекрытие потолка в системе опорных арок (фрагмент). Зал ста в ратуше

Творение испанского зодчего впечатляло пространственным размахом и ощущением простора, заключая в себе все особенности типичного каталонского храма эпохи высокой (пламенеющей) готики. Впрочем, плоское деревянное перекрытие потолка в системе каменных опорных арок чаще отличало светскую архитектуру Каталонии и лишь иногда применялось в культовой, например в капелле Санта-Агеда. В новой потолочной конструкции главным элементом являлась поперечная арка, или диафрагма, которая опиралась на контрфорсы либо стенные консоли. Похожие конструкции использовались почти в каждом парадном здании средневековой Барселоны, особенно там, где требовалось создать обширное замкнутое пространство. Их прообраз можно обнаружить в романской архитектуре, например в монастырских dormitorioх. Немалую роль в появлении таких перекрытий сыграли восточные традиции: в мавританских дворцах балки деревянных потолков, расписанные или раскрашенные в яркие цвета, имели чисто декоративное значение.

Используя единый способ, строители старались разнообразить формы, делая арки круглыми, овальными или стрельчатыми, как в палатах госпиталя Санта-Креу. Теперь в старых корпусах стоят не кровати, а столы и полки с книгами, поскольку больница уже давно уступила место Национальной библиотеке. Архитектор Пере Льобет употребил вышеописанный прием, проектируя Зал ста – главное помещение ратуши, где надлежало разместить 100 кресел для муниципальных чиновников. Советники смогли оценить прекрасную работу зодчего на первом же заседании, состоявшемся 17 августа 1373 года. Элегантный вид интерьеру придавали большие окна, арочные входы с резными дубовыми створками дверей, черные круги светильников, свисавших с высокого потолка на длинных цепях. Передняя стена,

вдоль которой стояли роскошные готические кресла с высокими спинками, была украшена вырезанной по камню символикой королевства.

Позже правительство Барселоны получило возможность пользоваться Золотой комнатой, названной так из-за стальных панелей, покрытых сплошной позолотой. Живописные каталонские монархи взирали на потомков с кессонов деревянного потолка, где портреты королевских особ чередовались со скульптурой. В XIX веке в здании появилось отдельное помещение для городского совета. Зал, связанный с памятью королевы-регентши Марии-Кристины, согласно вкусу того времени, украшали портреты правительницы и ее малолетнего сына, короля Альфонса XIII. Немного позже в стиле модерн был отделан Зал хроник, который местный художник Жосе Серта расписал сценами из истории Испании и Барселоны.

Старый фасад ратуши

Городская ратуша в числе других готических зданий располагается на площади Сан-Жауме. Ее старый, выходящий на узкую Городскую улицу, фасад выполнен в 1402 году по рисункам Арнау Баргеса. Создатель остановился на изысканных формах и, судя по лаконичности декора, проповедовал натурализм: мелкие детали оформления позволяют оценить виртуозную кладку, полюбоваться цветовой игрой камня, представить технику его обработки. Декоративное убранство здесь выглядит так, словно наложено на стену, а его основой является ажурное плетение, украшающее входной портал, карниз под крышей и высокие окна второго этажа. Смягченную геометрию декора продолжают лепные гербы Барселоны, выполненные мастером Жорди де Деу. В середине XIX века ратуша обрела новый фасад. Строители не утруждались созданием перехода от старой части к новой, просто убрав правую половину стены, поэтому получась странная, асимметричная и разностильная композиция.

С 1557 года над Королевским дворцом возвышается лапидарная в очертаниях башня короля Мартина с пятью ярусами галерей необычного рисунка. Трудно представить, как тогда действовал на людей ее необычный вид, но сегодня черные провалы арок, их однообразный ритм, истертые ступени пологой лестницы, которая выглядит так, словно ведет не во дворец, а в мрачную пустоту, напоминают о неумолимом ходе истории. Далеко не радостные ощущения вызывает и сама Королевская площадь – пустая, неестественно прямоугольная,

окруженная темными, массивными, похожими на крепости постройками. Даже воздух на ней кажется слишком плотным, словно загустевшим от давления каменных стен, окружающих ее плотным кольцом.

Подавляющая мощь здешней готики вызывает ощущение незыблемости и монументальности места, где архитектура является символом беспредельной власти короля и господства церкви. У тех, кто хоть немного знаком с испанской историей, пребывание на Королевской площади наверняка вызовет ощущение тревоги, причем не из-за тесного пространства. Именно здесь в 1488 году состоялось первое в Каталонии аутодафе – публичный суд над еретиками, ход и развязку которого определяла инквизиция.

Вид на Королевский дворец с площади Рамона Беренгера III

Некоторые из старых зданий раньше находились в других местах и были перенесены сюда для создания гармоничного ансамбля. Так власти города поступили с дворцом Кларьяна Паделья, вначале стоявшим на улице Меркадерс и переправленным на Королевскую площадь в 1931 году. В подвалах этой мрачной трехэтажной постройки сохранились фрагменты сооружений дохристианской Барселоны, которые ныне являются экспонатами Исторического музея. В последние годы благодаря усилиям Комитета охраны памятников барселонцы спасли от разрушения многие старинные здания. Превращенные в музеи дворцы знати, архивы, библиотеки, госпитали получили новую жизнь и стали доступны каждому желающему.

Памятник Рамону Беренгеру III

Заботами властей и художников Готический квартал Барселоны обрел воистину хрестоматийный облик. Теперь в нем органично соседствуют остатки города романской эпохи и комплекс средневековых зданий, резиденций каталонских монархов. Самые эффектные картины открываются при взгляде с площади Рамона Беренгера III: крупные архитектурные массы, четко сопоставленные друг с другом объемы, башни, вздымающиеся над горизонталями крыш. Расположенная у самого подножия крепости, с восточного конца стены, словно выросшей в Королевский дворец, эта узкая площадь походит на живописную полосу. Основным ее украшением служит конная статуя Рамона Беренгера, третьего графа Барселонского, стоящая на фоне римских стен и мрачного фасада капеллы Санта-Агеда.

Сегодняшние власти Барселоны могут позволить себе масштабные реставрации, как однажды произошло на риа Монткада (от исп. *gua* – «улица»). После того как муниципалитет выкупил и восстановил все находившиеся на ней здания, улица стала музеем. Теперешний ее вид позволяет проследить развитие форм богатого каталонского жилища, постепенно превратившегося из твердыни в изящный дворец. Начиная с XV века аристократия города, преодолевая давление церкви, проникалась светским духом. Жилые постройки покрывались черепицей, фасады выходили на улицу, были со вкусом оформлены и очень выразительны благодаря великолепной кладке из тесаного камня. Здесь зодчие использовали любимый испанцами прием, всякий раз достигая контраста между суровой гладью стены и чисто декоративными элементами. В отличие от крепости на гладкой поверхности выделялись арочный проем входа и второй этаж. Верхний уровень обозначали арки окон с высокими колонками. Домовладельцы с фантазией требовали дополнительных украшений. Так, в некоторых постройках под выступающим карнизом крыши помещалась галерея, невысокая, зато широкая, с низкими округлыми арками.

Фасады более скромных и камерных дворцов на Монткада, не отличаясь зрелостью стиля и тонкостью скульптурных деталей, выглядели гораздо проще, грубее, хотя и в них был заметен тот же контраст – оживление строгой плоскости редкими, но яркими архитектурными деталями. В каждом доме имелся внутренний двор, не квадратный, как в мавританских постройках, а сильно вытянутый в сторону улицы. Окна и двери жилых комнат выходили в патио, на второй этаж можно было попасть с галереи, куда вела лестница, расположен-

ная вдоль короткой стены и непременно украшенная пышными витыми колоннами. Перила плавно переходили в детали лоджии, как правило, оформленной колоннами со скульптурными капителями. Каталонцы проводили жаркие месяцы в нижних покаях, где прохладу поддерживал плиточный пол, который часто поливали водой. Стены по традиции белили и нередко завешивали тростниковыми циновками, чтобы холодные поверхности не создавали неудобства тем, кто захочет к ним прислониться.

Непеременной принадлежностью старых каталонских построек, как светских, так и культовых, являются водостоки с завершением в виде скульптурных грифонов, химер, морских коньков, мелких человеческих фигур. Такие детали выполнялись из ракушечного песчаника – красивого, прочного и долговечного материала. В позднем Средневековье их изготовление было поставлено на поток. Большая часть скульптуры продавалась за границей, а доходы от налаженного и весьма прибыльного производства Барселона делила с королями.

Пере Гарсия Бенабарре. Пир Ирода (убранство богатого барселонского дома), XV век

Обстановку богатого каталонского дома можно представить, рассмотрев картину Пере Гарсия Бенабарре «Пир Ирода». На этом полотне библейские герои, одетые в костюмы XV века, располагаются на фоне каменных стен и распахнутого окна: в морском пейзаже каждый каталонец мог бы узнать побережье близ Барселоны. Типичное для того времени убранство составляют сводчатый, выкрашенный голубой краской потолок, пол, выложенный узорчатым кафелем, тарелки и кувшины, красиво расставленные на изразцовой горке. Царская чета в золотых коронах сидит за накрытым столом в окружении свиты, музыкантов, стройных юношей и придворных дам с опахалами в руках. Самое роскошное платье – воистину королевское облачение из златотканой парчи – надето на Саломее, держащей на блюде голову Иоанна Крестителя. Художник тщательно выписал рисунок ткани, каждую плитку пола,

изразцы, вышивку скатерти, короны, показал шнурки на женских корсажах, кожицу жареных цыплят и даже гвозди, которыми к самому потолку прибит ковер с крупными узорами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.